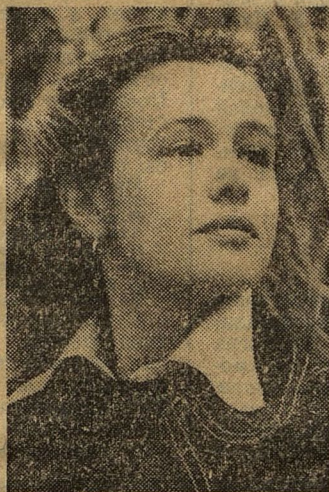

8 МАР 1980

СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

ПОД СЕНЬЮ КУЛИС

ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ, КОТОРОЕ КОНСТАНТИН РАЙКИН ВЗЯЛ У МАРИНЫ НЕЕЛОВОЙ

— Итак, забудь, что я только что был твоим партнером по сцене, отвечай на мои вопросы с серьезностью и уважением.

А для начала типичный вопрос. Ты много снимаешься, играешь в спектаклях, много народа тебя видит, знает. Как ты относишься к тому, что называется популярностью, узнаваемостью?

— Ну, узнаваемость-то мне не грозит, так что этот вопрос придется снять.

— Почему?

— Меня никогда не узнают, даже люди, с которыми я когда-то работала, не то что зрители. Нет, узнаваемость мне не грозит.

— Но ты же известная артистка, теперь уже и заслуженная артистка республики. Я еще раз поздравляю тебя с этим почетным званием. И, когда говорю об известности, я это утверждаю совсем не для того, чтобы доставить удовольствие к 8 Марта...

— Я понимаю, когда мне про это говорят, но не могу сказать, чтобы я это как-то ощущала. Хотя нет, неправда, ощущаю: популярность имеет известную негативную сторону — она вызывает какую-то бесцеремонность отношения к себе. Вот например. Я получаю огромное количество писем. Среди них очень нужные мне, очень добрые, внимательные к профессии нашей. В них глубокое уважение к театру, к искусству.

Но бываю и отврагительные письма, бывает, что по три часа подряд звонит дома телефон, тебя ловят у театра, в подъезде. Это люди, которые просто хотят увидеть «живую артистку». Им не приходит в голову — может быть, у меня есть единственные полчаса, час, чтобы подумать, успокоиться, просто передохнуть...

— Я имею в виду другую известность. Когда ты выходишь на сцену и твоего появления ждут...

— Это иное дело. Тут испытываешь чувство повышенного долга. Я называю это ответственностью за любовь ко мне. Значит, я каждый раз должна делать еще больше, чем могу.

— Тут, правда, многое зависит от пьесы, от роли, от режиссера, от партнеров, наконец. Наша профессия все-таки вторична. И вот в этой связи хочу, чтобы ты ответила на такой достаточно деликатный вопрос: какую роль ты бы хотела сыграть, не конкретную, а вообще, куда сегодня направлены интересы актрисы Нееловой?

— Конкретно я и сама не отвечаю, и не потому, что не могу, скорее не хотела бы. А вот направленность... Мне бы хотелось все попробовать, что я еще никогда не пробовала на сцене. Грустно встречаться с ролью, которая мне самой уже давно попросту знакома. Понимаешь? Я ее в себе уже знаю. Мне хочется самой чему-то в себе удивиться, сыграть такое, после чего можешь сказать: надо же, как странно, а я и не думала, что смогу такое. Может быть, я много на себя беру...

— В твоих словах общая и извечная тоска артиста, который стремится вырваться из плена амплуа.

— Я страстно хочу этого, и боюсь, и с надеждой жду. Когда я училась в институте, были и характерные, и комедийные роли.

— Наверное, последняя твоя работа в «Спешите делать добро» — какой-то шаг в новом направлении?

— Конечно. Я и люблю ее больше всех остальных, не только потому, что это премьерный спектакль, в ней хоть в какой-то мере драматизм сочетается с характерностью.

— Хочу по нескольким поводам спросить: как ты относишься... Начну с театральной критики, с рецензии на спектакль, в котором ты участвуешь или не участвуешь.

— Изредка еще встречается в статье определение режиссерского решения, но почти никогда не анализируется решение актерское. О себе я довольно часто читаю: «кабегала хрупкая девочка с худенькими плечиками, вздернутым носиком и хвостиком на боку...» Мне до такой степени это неинтересно! Я жду эмоциональной статьи критика, критика, который в этот вечер был зрителем, пусть самым понимающим и квалифицированным, но зрителем!

И еще — критика иногда слишком комплиментарна. А как это бывает полезно актеру, когда ругают за дело, ты с этим соглашаешься и понимаешь — значит, думал правильно, тут просчет, его нужно исправить.

— Марина, а как ты относишься к партнерству на сцене?

— Это самое-самое важное, дорогое и ценное, что есть в нашей работе. Наш театр ценен не только очень хорошими артистами, но именно обостренным чувством партнера. А сколько мы с тобой встречали прекрасных актеров, которые были неважными партнерами. Правда? Глаза партнера могут порой дать неизмеримо больше, чем недели и месяцы работы над ролью. У меня долго не получалась одна сцена в «Фарятеве» с Квашой. Я все делала правильно, выполняла все задачи, существовала искренне и истинно. Не могу себя обвинить, что работала, как говорят балери-

ны, «в подноги». Но чего-то мне не хватало. И вот на одном спектакле Кваша — Фарятев на меня так посмотрел... Слезы сдавили горло... И я ему ответила... Слово приподнялась над собой. И сыграла правильно. Нашла. На десятом или пятнадцатом после премьеры спектакле. Очень люблю Квашу как партнера.

Хорошо помню, как заботливо ты вводил меня в «Валентина и Валентину». Этот спектакль вообще для меня особенный — первый на сцене «Современника».

— А я и сегодня горжусь этим, потому и согласился брать у тебя интервью, как твой «крестный отец».

— А помнишь, как мы на «Валентине» с тобой спорили, до ссор, о том, как готовиться к спектаклю. Ты начинаешь готовиться с утра. С тобой уже к середине дня ни о чем нельзя разговаривать, ты весь в переживаниях и проблемах Валентина. А вечером начинал мерять сцену за задником, дожидаясь меня, тебе нужно было, чтобы я обязательно подошла. А мне нужно было совсем другое. Я совершенно не хотела видеть тебя эти пять минут перед спектаклем. Мне это только мешало. Поэтому я прибегала к тебе за сцену, проводила с тобой эти пять минут и убегала в свою кулису, чтобы побыть одной.

— А я скучал и терпел выход. Но в том, что ты все-таки прибегала, ведь тоже проявляется партнерство. Оно не только на сцене, оно во всех внутритеатральных отношениях. Раз уж ты об этом заговорила сама, расскажи, как ты готовишься к спектаклю.

— У меня, например, есть постановки, на которые я обязательно должна чуть ли не опаздывать. Раньше я это чувствовала как-то подсознательно, а поняла только недавно. Дело не в том, что я не могу рассчитать время. Ведь на другие спектакли прихожу вовремя. А на этот мне нужно прибегать впритык, переодеться — и на сцену. Не дай бог услышать лишние разговоры, какую-то случайную фразу. Мне кажется, я должна стрелой пробежать по этому черному коридору, по тоннелю, который отделяет сцену от жизни.

— Хорошо, чтобы это прочла наша театральная администрация, которая так строго следит за явкой актеров.

— А я сказала как-то, не выдержала и рассказала об этом, только они посчитали мои слова шуткой или, может быть, неуклюжей попыткой оправдаться. Только это действительно так, на некоторые спектакли мне нужно опаздывать.

А есть спектакли, на которые я прихожу раньше всех, за час, полтора. Нет, я не погружена в судьбу моей героини, не проживаю ее жизнь. Но почему-то нужно мне побыть вот здесь, в комнате одной. А иногда подготовка к выходу заключается лишь в том, что постойшь две минуты в кулисе. Это у каждого актера очень индивидуально, по-своему.

— Видимо, здесь все дело в

отношении к профессии. Но давай попытаемся отойти от сцены, к твоему свободному времени, отношению к литературе, музыке, живописи. Ты как зритель, слушатель.

— На чужой спектакль или фильм я иду с безумным волнением, может быть, даже большим, чем на свой. Входя в зрительный зал, слыша этот неповторимый шум, перед открытием занавеса, я невольно переносуюсь за кулисы и понимаю, каково им там сейчас.

Может быть, в этом тоже проявляется любовь к своей профессии. Я ни с чем в жизни не могу сравнить радость, которую я испытываю оттого, что стала артисткой.

— Опять мы вернулись на свою сцену.

— Нет, не то. Вот послушай! Я очень люблю балет. Каждый раз, когда вижу в спектакле Катю Максимову и Володю Васильева, я испытываю чувство безумного восторга, счастья, удивления и благодарности за то, что это есть! Я плачу от радости, что я это вижу! Понимаешь?

А насчет свободных часов — сам знаешь, как их ничтожно мало. У нас такая профессия, которой занимаешься всю жизнь и каждую минуту жизни, от того времени, когда проснулся и до того, когда засыпаешь. Эту работу не выразишь словами, она идет помимо тебя, подсознательно. Если согласишься новую роль, начались репетиции, то ты все время находишься немножко «там». Вроде бы здесь, в комнате, в магазине, на улице, и вместе с тем «там», в будущей роли. Разговаривая, читая, отвечая на вопросы, я ловлю себя на том, что все равно идет во мне этот процесс накопления, что ли... Из случайной фразы, жеста, строчки находишь эту ничтожную, малосенную капелючку, которая откладывается в тебе. И я, к счастью, пока не ловила себя на том, чтобы была свободна от профессии...

— Так ведь в этом же и заключается творчество. А иначе зачем приходит в искусство? Поэтому и нам с тобой никуда не уйти в нашем разговоре от театральных подмостков, от своей профессии. Так не будем и пытаться. А поскольку в праздник уместны пожелания — хочу пожелать тебе и себе тоже встречи в новом спектакле. Нас слишком давно не сводила общая работа над премьерой.

— Очень доброе пожелание, и пусть мы снова, как на «Валентине», спорим и ссоримся.

— Вот давай и еще пожелаем друг другу сохранить в себе то, о чем ты говорила. Впервое... Актерская профессия в том и состоит, чтобы не утратить в себе способности в первый раз испытывать... как в первый раз... каждый раз.

— Когда я просто прохожу по нашей сцене перед спектаклем, в котором я даже не занята, просто прохожу за кулисами, каждый раз чувствую, как у меня начинает учащеннее биться сердце от волнения, от запаха кулис, от этого прекрасного слова «Театр»!

Фото А. Рубашкина.